

«Книжки недели» 1895, кн. III

Из русских изданий

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНИЙ.

255

Чацкий не падать современныхъ Скалозубовъ и Репетиловыхъ, — и тѣ, конечно, не падать его.

Въ то время какъ второстепенные наши беллетристы, вроде гг. Потапенки, Мамина и др., заваливаютъ всѣ журналы своимъ сырьемъ, беллетристы лучшіе остаются вѣрными традиціямъ нашихъ классиковъ: пишутъ немного. Тѣмъ пріятнѣе встрѣтить въ новогоднихъ книжкахъ журналовъ новыя повѣсти гг. Чехова и Короленки, въ мѣстахъ, такъ сказать, «постоянной приписки» этихъ авторовъ: въ «Русской Мысли» и «Русскомъ Богатствѣ». А. П. Чеховъ началъ большой рассказъ «Три года». Молодой купецъ Лаптевъ, изъ старозавѣтной московской семьи, но прошедшій курсъ университета, влюбляется въ дочь провинціального доктора Юлію Сергѣевну. Та къ нему совершенно равнодушна. Онъ неожиданно объясняется съ нею въ любви; она сначала поражена, отказывается ему въ рукѣ, но передумавъ ночью, взвѣсивъ свое печальное положеніе у отца-скряги, рѣшается выйти замужъ за Лаптева. Онъ чувствуетъ, что она его не любитъ и идетъ по расчету; она чувствуетъ, что дѣлаетъ что-то нехорошее, но ему отступать уже поздно, а ее гонитъ подъ вѣнецъ «пошлый опытъ» — расчетъ и желаніе свободы. Послѣ свадьбы молодые тотчасъ ѣдутъ въ Москву; Юлія Сергѣевна знакомится съ свекромъ, купцомъ стараго закала, и съ семьей. Послѣ двухъ ночей, проведенныхъ въ домѣ мужа, она уже считаетъ свое замужество грубой ошибкой, непоправимымъ несчастіемъ. Она пытается развлекаться, ѣздитъ по Москвѣ, бываетъ въ театрахъ, оперѣ, концертахъ; около нея появляется свита поклонниковъ. Бѣдный мужъ чувствуетъ, что онъ для нея совсѣмъ чужой, сознаетъ свое одиночество. Особенно горько онъ чувствуетъ это послѣ встрѣчи съ прежней своей «особой», съ которою жилъ, которая его любила страстно и безкорыстно — съ Полиной Николаевной, женой педагога. Онъ не любилъ эту особу — и каялся въ томъ. Въ ткань этой драмы влетаетъ судьба нѣсколькихъ вводныхъ лицъ: сестры Лаптева,

умирающей отъ рака, мужа этой сестры — широкаго кутилы, измѣнявшаго ей и имѣвшаго двѣ семьи, — друга Лаптева, Кости, дѣлающагося однимъ изъ поклонниковъ Юліи Сергѣевны. И главные и второстепенные персонажи написаны превосходно, по-чеховски; вся картина жизни этихъ неудавшихся, бѣдныхъ и малосильныхъ людшекъ встаетъ какъ живая. Разсказъ читается, по обыкновенію, съ большимъ интересомъ, — но, судя по первой части, не обѣщаетъ выйти той крупной вещью, которой такъ долго ждутъ отъ Чехова. Работа превосходная, но предметъ ея не самый нужный и значительный: авторъ отвѣчаетъ на какіе-то серьезные, но не главные, не самые важные интересы времени. Это, кажется, органическій недостатокъ большого таланта Чехова.

Противники Л. Н. Толстого довольно снисходительны къ его абстрактнымъ «заблужденіямъ», но что приводитъ ихъ въ искреннее негодованіе, такъ это его практическая нравственность: физическій трудъ, вегетарианство, половое воздержаніе, отказъ отъ собственности. Насколько въ нашемъ народѣ всякаго рода аскетизмъ почитается, настолько въ образованномъ обществѣ онъ не въ уваженіи. Между тѣмъ существуютъ глубокія философскія основанія аскетизма какъ дисциплины духа въ цѣляхъ достиженія высшаго изъ благъ — свободы духа, *самоблагоденія*. Этого интереснаго вопроса касается небольшая статья Вл. С. Соловьева «Аскетическое начало въ нравственности» («Вопросы философіи и психологіи», I, 1893). Статья написана, къ сожалѣнію, слишкомъ академически, но въ ней есть мѣста любопытныя. Авторъ въ началѣ статьи объясняетъ, какъ понимали это религіозныя системы Востока: Веланга, Санкхья и буддизмъ, затѣмъ указываетъ разницу между *плотью* и *племемъ* по библейской терминологіи и приводитъ къ нравственной формулѣ: «Подчиняй плоть духу, насколько это нужно для твоего достоинства и независимости». «Первою ступенною» въ обузданіи плоти Л. Н. Толстой считаетъ, какъ извѣстно, отказъ отъ

<...>

8/11.